

Маме

*Я представляю себе Червонную Королеву
воплощением безудержной страсти –
нелепой и бессмысленной ярости.*

– Льюис Кэрролл

При соблазнительных лимонных тортов так и подмигивали Кэтрин. Обмотав руки полотенцами, она полезла в духовку и, стараясь не обращать внимания на вырвавшийся оттуда жар, вынула противень. Яркая, как солнышко глазурь подрагивала, будто радуясь освобождению из каменной темницы.

Кэт держала противень благоговейно — так подошло бы держать королевскую корону. Не отрывая глаз от тортов, она осторожно шла вперед и наконец со стуком опустила противень на кухонный стол. Торты вздрогнули в последний раз и замерли, безупречные и сияющие.

Размотав полотенца, Кэт взяла с пергаментных лимонные цукаты и выложила из них розочки, вдавливая каждый лепесток в еще не остывшую серединку тортов. Ароматы лимона и сдобы вились, щекоча ей нос.

Кэтрин отступила на шаг, любуясь своим произведением.

На торты ушло все утро. Целых пять часов она взвешивала масло, сахар и муку, вымешивала, выбивала и раскатывала тесто, взбивала и грела на медленном огне, перетирали яичные желтки с лимонным соком, пока они не стали густыми, маслянистыми и блестящими, как лютики. Полила корочку глазурью и украсила края завитушками, похожими на кружевную салфетку. Прокипятила и засахарила тонкие изогнутые полоски лимонной цедры, а потом долго толкла в ступке сахар,

чтобы получилась тончайшая пудра. Сейчас у нее чесались руки скорее посыпать этой пудрой торты, но Кэт сдерживалась. Сначала их нужно как следует остудить, иначе сахар растает и покроет поверхность неаппетитными лужицами.

В этих произведениях кулинарного искусства воплотилось все, что Кэтрин узнала из потрепанных кулинарных книг с кухонной полки. Она не суетилась и не была небрежной, не упустила ни одной детали, ни одного ингредиента. Делала все тщательно и прилежно. Она вложила в эти торты свою душу.

Кэт осмотрела их, придирчиво, дюйм за дюймом — каждый завиток на корочке, каждую розочку на сияющей глазури, и позволила себе улыбнуться.

Перед ней стояли три идеальных лимонных торта, а значит, скоро все — от птицы додо до самого Короля — узнают, что она лучший кондитер в королевстве. Даже ее матери придется это признать.

Кэтрин чуть не подпрыгивала от волнения и пищала, зажимая рот руками.

— Вы — венец моего торжества! — воскликнула она и широко развела руки, словно посвящала пироги в рыцарство. — Теперь повелеваю вам идти в мир во всем вашем лимонном великолепии и вызывайте улыбки на устах у всех и каждого!

— Снова разговариваете с едой, леди Кэтрин?

— Ах, не просто с какой-то едой, Чеширчик! — Кэтрин, не оборачиваясь, подняла палец. — Позволь представить тебе самые восхитительные лимонные торты, какие только выпекались в славном Червонном королевстве!

Вокруг ее правого плеча обернулся полосатый хвост. На левом появилась пушистая усатая голова.

Чеширский Кот глубокомысленно мурлыкнул, и от гулкого звука по спине Кэтрин прошла дрожь.

— Впечатлен, — сказал Кот. Когда он говорил таким тоном, Кэт вечно сомневалась, не посмеивается ли он над ней. — Но где же тут рыба?

Кэт слизала с пальцев крупинки сахара и помотала головой.

— Рыбы нет.

— Нет рыбы? Какой же тогда в этом смысл?

— Смысл в совершенстве. — У нее каждый раз что-то екало внутри, когда она об этом думала.

Кот исчез с ее плеча и появился на столе, занеся над тортом когтистую лапу. Кэт мигом подскочила и согнала его.

— Не смей! Это для королевского бала!

Чеширский Кот дернул усами.

— Для Короля? Снова?

Скрипнув по полу ножками табурета, Кэт подтащила его поближе к столу и уселась.

— Думаю, ему хватит и одного, а остальными можно украсить пиршественный стол. Ты же знаешь, его величество так радуется, когда я что-то пеку для него. А счастливый король...

— Это счастливое королевство. — Чеширский Кот зевнул, не озаботившись прикрыть пасть лапой, и Кэт, недовольно поморщившись, загородила собой пироги, чтобы дыхание с противным запахом сардин не осквернило их.

— Счастливый король — еще и превосходная рекомендация. Представь только, что будет, если он официально объявит меня поставщиком королевского двора! Да за моими тортами выстроится очередь длиной в милю!

— От них пахнет тортами.

— Ну да, ведь это и есть торты. — Кэт немного развернула их так, чтобы розочки из засахаренной цедры смотрели в одну сторону. Она всегда придирчиво относилась к внешнему виду своих изделий. Мэри-Энн говорила, что пирожные и торты у нее получаются красивее, чем у придворных кондитеров.

А после сегодняшнего вечера ее десерты станут известны не только как самые красивые, а как превосходные *во всех отношениях*. Именно такой оценки им с Мэри-Энн не хватало, чтобы открыть свою кондитерскую. Кэтрин чувствовала: их давняя мечта вот-вот осуществится.

— Разве сейчас сезон лимонов? — спросил Чеширский Кот, глядя, как Кэт собирает остатки лимонной цедры, чтобы отдать садовникам, которые используют ее для борьбы с вредителями.

— Вообще-то нет. — Кэт тихо улыбнулась. В мыслях она вернулась в сегодняшнее утро. Бледный свет, льющийся сквозь кружево занавесок... Аромат цитрусов, от которого она проснулась...

Ей захотелось сберечь воспоминание, спрятать его на груди, как секретик, но Чеширский Кот все равно скоро узнает. Дерево, выросшее в спальне за одну ночь — тайна, которую трудно скрыть. Учитывая чутье Кота на сплетни, Кэт удивлялась, почему до сих пор еще не пошли слухи. Видимо, все утро он был занят — дремал. Или, что более вероятно, позволял служанкам чесать себе животик.

— Они из сна, — призналась Кэт, перенося торты в особый шкаф, где им предстояло остывать дальше.

Чеширский Кот присел.

— Из сна? — его рот растянулся в широкую зубастую улыбку. — Расскажи-ка мне.

— Чтобы к вечеру об этом узнало полкоролевства? Ну, уж нет. Мне снился сон, а когда я проснулась,

оказалось, что в спальне выросло лимонное деревце. А больше тебе знать ничего не нужно.

Кэт решительно захлопнула дверцу шкафа, чтобы поставить точку в разговоре и не допустить дальнейших расспросов. Сказать по правде, сновидение не оставляло ее с того мига, как она проснулась, оно назойливо звенело, дразнило. Кэтрин очень хотелось поговорить о нем — почти так же сильно, как и сохранить его втайне для себя.

Это был туманный, прекрасный сон, и в нем был туманный, прекрасный юноша. Весь в черном, он стоял в саду среди лимонных деревьев, и Кэт была уверена, что у него есть нечто, принадлежащее ей. Она не знала, что именно, но хотела получить это назад. Она пыталась подойти к юноше, но с каждым ее шагом он оказывался все дальше.

Кэт поехала. Ее до сих пор мучило любопытство и хотелось броситься за ним вдогонку.

Но больше всего ей запомнились его глаза. Желтые и блестящие, сладкие и кислые. Глаза яркие, как спелые лимоны, которые вот-вот сорвутся с ветки дерева.

Кэт стяхнула с себя дымку воспоминаний и повернулась к Чеширскому Коту.

— Когда я проснулась, ветка дерева уже успела сломать один кроватный столбик. Конечно, мама велела садовникам убрать его из комнаты, пока оно не наделало больше беды, но несколько лимонов я все же успела сорвать.

— А я-то удивлялся, что за переполох устроили утром. — Хвост кота постукивал по столу. — Ты уверена, что эти лимоны не опасно употреблять в пищу? Если дерево проросло из сна, они могут оказаться, ну, знаешь, *странной* едой.

Кэт повернулась к закрытому шкафу, в глубине которого на проволочной решетке прятались торты.

— Ты боишься, что король станет меньше ростом, если съест кусочек?

Чеширский Кот возмущенно фыркнул.

— Наоборот, я боюсь, что, если я съем кусочек, то стану величиной с дом. Я, знаешь ли, слежу за фигурой.

Хихикнув, Кэт протянула руку через стол и пощекотала Коту подбородок.

— Ты прекрасен, Чеширчик, независимо от размера. А лимоны безопасны. Я попробовала один, прежде чем начала печь.

Она невольно поморщилась, вспоминая кислый вкус.

Чеширский Кот мурлыкал, почти забыв о ней. Не убирая руки от его подбородка, Кэт другой погладила его по животу, и Кот блаженно завалился на бок.

— И даже если ты станешь больше, я найду тебе применение. Всегда мечтала о карете, запряженной котом.

Чеширский Кот приоткрыл один глаз; зрачок-щелочка не смеялся.

— А чтобы заставить тебя бежать, я бы бросала перед тобой клубки шерсти и рыбы косточки.

Кот ненадолго перестал мурлыкать, чтобы ответить:

— Это совсем не так забавно, как вам кажется, леди Пинкертон.

Кэт легонько стукнула его пальцем по носу и отдернула руку.

— Ты мог бы проделывать свой трюк с исчезновением, и все бы думали: «Ах, ах! Только взгляните, как эта величественная круглая голова тянет вдоль по улице карету!»

Теперь Чеширский Кот смотрел на нее обоими глазами.

— Я гордый кот, а не рабочий скот.

Оскорбленно зашипев, он исчез.

— Ну, не злись. Я же просто пошутила!

Кэтрин сняла передник и повесила на крючок в стене. На платье остался силуэт передника, очерченный мукой и кусочками засохшего теста.

— Между прочим, — приплыл к ней кошачий голос, — тебя ищет мать.

— Почему? Я все утро здесь.

— Да, и теперь ты опаздываешь. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя саму превратили в лимонный торт.

— Опаздываю? — Кэтрин недоуменно посмотрела на часы с кукушкой на стене. Был ранний полдень, еще куча времени до...

Вдруг сердце у нее екнуло: из часов доносилось еле слышное посапывание.

— Да что ж это! Кукушка, ты опять спишь?

Кэт хлопнула ладонью по боковой стенке часов. Дверца открылась, оттуда показалась заспанная бурая птичка.

— Ку-ку! — рявкнула Кэт.

Птичка вздрогнула, окончательно проснулась и ошалело захлопала крыльями.

— Боже, боже! — квохтала она, протирая глаза кончиками крыльев. — Который час?

— Это *ты* у меня спрашиваешь, глупая птица? — Кэтрин со стоном отчаяния бросилась из кухни и чуть не столкнулась на лестнице с Мэри-Энн.

— Кэт... леди Кэтрин! Я... там Маркиза...

— Знаю, знаю, бал! Я потеряла счет времени.

Мэри-Энн оглядела ее с головы до пят и схватила за руку.

— Вам нужно срочно умыться и почиститься, пока она не приказала отрубить нам обеим головы.

Проверив сначала, нет ли за углом Маркизы, Мэри-Энн торопливо провела Кэтрин в спальню и захлопнула дверь.

Вторая служанка, Абигаиль, уже была там, одетая, как и Мэри-Энн, в скромное черное платье и белый передник. Она размахивала метлой, пытаясь выгнать в распахнутое окно стрекозла. Каждый раз, как она промахивалась, стрекозел начинал бодаться и трясти бородой, а потом взмывал к потолку.

— Вреднящие насекомые! Смерти моей хотят! — простонала Абигаиль, вытирая со лба пот. Потом спохватилась, что Кэтрин тоже здесь, и торопливо присела в реверансе.

Кэтрин замерла.

— Абигаиль!..

Поздно предупредила. Крошечные копытца процокали прямо по крахмальному чепцу Абигаиль, и стрекозел стрелой взлетел вверх.

— Ах ты, гадкий стрекозлице! — взвизгнула Абигаиль и снова замахала метлой.

Передернув плечами, Мэри-Энн потащила Кэтрин дальше, в туалетную комнату, и закрыла дверь. Рядом с умывальным тазиком уже стоял наготове кувшин с водой.

— Принимать ванну некогда, но мы ничего не расскажем вашей матушке, — бормотала она, вертя в ру-

ках белое муслиновое платье Кэтрин. Намочив мочалку, Кэт принялась смывать муку с лица. И как только она ухитрилась вымазать даже уши?

— Ты, кажется, сегодня собиралась в город? — спросила она, пока Мэри-Энн стягивала с нее платье и сорочку.

— Я и ходила, но было ужасно скучно. Все только и говорят, что про бал. Вот уж глупости, что в нем интересного? Ведь Король чуть не каждый день устраивает праздники.

Взяв мочалку, Мэри-Энн стала скрести руки Кэт, пока кожа не покраснела, а потом щедро обрызгала розовой водой, чтобы заглушить запахи сдобы и очага.

— Много было разговоров о новом придворном шуте, у которого сегодня дебют. Джек похвалялся, что устроит ему посвящение: украдет шутовской колпак и испортит бубенцы.

— Что за ребяческие выходки!

— Вы правы. Джек ужасно бестолковый. Впрочем, все валеты таковы.

Мэри-Энн помогла Кэт надеть чистую сорочку, усадила на табурет и стала расчесывать ее темные волосы.

— Но кое-что интересное я слышала. Башмачник уходит на покой и собирается к концу месяца продать свою лавку.

Мэри-Энн ловко закрутила волосы, подхватила подносик со шпильками, кое-где коснулась волос воском — и вот уже на затылке у Кэтрин красуется изящный пучок, а лицо обрамляют жизнерадостные локоны.

— Башмачник? С Мэйн-стрит?

— Он самый. — Мэри-Энн повернула Кэт к себе лицом и таинственно зашептала. — Я как об этом услышала, сразу подумала, какое это чудесное место. Для нас.

Кэт широко раскрыла глаза.

— Черви-козыри, а ты права! Совсем рядом с игрушечным магазином...

— И прямо по дороге к той симпатичной белой часовне. Подумать только, какие свадебные торты можно будет печь.

— Ах! А на открытие можно напечь пирогов в виде разноцветных сапог — в честь хозяина, сапожника. Начнем с классики — черничный сапожок, персиковый — но ты только представь, какие открываются возможности. Лавандово-нектариновый, а на другой день бананово-карамельный, посыпанный хрустящими крошками, и...

— Перестаньте! — рассмеялась Мэри-Энн. — Я ведь еще не ужинала.

— Мы должны отправиться туда и все разузнать, ты согласна? Пока другие не узнали!

— Я тоже об этом подумала. Может, завтра? Вот только ваша матушка...

— Скажу ей, что мы идем за новыми лентами. Она и внимания не обратит. — Кэтрин встала на цыпочки. — А когда она узнает о кондитерской, мы объясним ей, что это невероятно выгодное дело, и она не сможет нам отказать.

Широкая улыбка Мэри-Энн заметно потускнела.

— Боюсь, она вряд ли это одобрит. И на выгоду не польстится...

Кэт отмахнулась, хоть и знала, что Мэри-Энн права. Ее мать вообще не одобряла желания своей единственной дочери, наследницы Черепашьей Бухты, заниматься мужским, неприличным для дамы делом. И уж тем более, вместе с жалкой служанкой. Крутиться у плиты, повторяла матушка, подобает только слугам. А особенно ей не нравилась идея Кэтрин потратить приданое на то, чтобы открыть собственное дело.

Однако они с Мэри-Энн мечтали об этом очень давно — вот Кэт иногда и забывала, что мечты еще не сбылись, хотя ее пирожные и десерты были известны во всем королевстве. Король их просто обожал — только это и заставляло матушку скрепя сердце мириться с ее увлечением.

— Ее согласие нам и не нужно, — заявила Кэт, стараясь убедить больше себя, чем Мэри-Энн. У нее все внутри холодело при мысли о том, как разгневется матушка, узнав об их замысле. Чего доброго, еще отречется от дочери... Но все должно обойтись. Кэт очень на это надеялась.

Кэт высоко подняла голову.

— Мы своего добьемся, с одобрения моих родителей или без него. У нас будет лучшая кондитерская в целом Червонном Королевстве. Да что там, сама Белая Королева приедет, когда пойдут слухи о наших роскошных шоколадных тортах и неопишимо нежных слоеных булочках со смородиной.

Мэри-Энн недоверчиво поджала губы.

— Кстати, чуть не забыла, — продолжала Кэт. — В шкафу сейчас остывают три торта. Ты ведь подашь их сегодня вечером? Ах, только сначала нужно посыпать сахарной пудрой! Я оставила пудру на столе. Чуть-чуть, самую малость.

И она показала сколько, сложив пальцы щепоткой.

— Конечно, подам. А какие торты?

— Лимонные.

На лице Мэри-Энн заиграла лукавая усмешка.

— С вашего дерева?

— Так ты уже слышала?

— Я видела, как садовник утром сажал его у вас под окном, и спросила, откуда оно взялось. Ох, и пришлось ему повозиться, чтобы распутать ветки и отцепить их

от вашей кровати! А деревце выглядит свежим, будто и не пострадало совсем.

Кэт сжала руки, не понимая, почему ее так смущают разговоры о деревце из ее сна.

— Хм, да... Лимоны оттуда, и я уверена, что эти торты мне удались как никогда. Уже завтра утром о них заговорит все королевство, и все будут спрашивать, когда же они смогут купить наши десерты.

— Да что вы, Кэт, — аккуратно, чтобы не повредить прическу, Мэри-Энн надела Кэтрин корсет через голову. — Все спрашивают об этом уже с прошлого года, когда вы испекли поджаристое печенье с кленовым сиропом.

Кэт наморщила нос.

— Не напоминай. У меня тогда чуть все не подгорело, помнишь? Края получились слишком хрустящими.

— Вы к себе чересчур строги.

— Я хочу быть лучшей.

Мэри-Энн положила руки на плечи Кэт.

— Вы и так лучшая. И я еще раз прикинула: затраты, стоимость аренды лавки господина Гусеницы, ежемесячные расходы, стоимость продуктов в пересчете на нашу суточную выработку, и цены.

Кэт зажала уши.

— От твоих цифр и математики вся радость уходит. Ты же знаешь, у меня от них голова идет кругом.

Мэри-Энн, фыркнув, подошла к платяному шкафу.

— Вам же не трудно сосчитать, сколько в стакане столовых ложек. Так это почти то же самое.

— Нет, это совсем другое. Потому-то ты мне и нужна в этом деле. Мой изумительный, рассудительный и умный деловой партнер.

Она стояла спиной к Мэри-Энн, но прекрасно представляла, как у той глаза полезли на лоб.

— Где бы это записать, леди Кэтрин? Что ж, я правильно помню, что для бала мы выбрали белое платье?

— Да какое хочешь. — Вся в мыслях об их будущей кондитерской, Кэт вдевала в уши жемчужные сережки.

— Так что же? — спросила Мэри-Энн, выдвигая ящики и доставая из шкафа нижнюю юбку с оборками. Она повернула Кэт спиной, чтобы затянуть шнуры на корсете. — Сон был хороший?

Тут Кэт с удивлением обнаружила у себя под ногтями остатки теста. Вычищая их, она опустила голову, скрывая, что покраснела.

— Ничего особенного, — ответила она, думая о лимонно-желтых глазах.

И ахнула — корсет вдруг резко сдавил ей бока.

— Меня не провести, я всегда вижу, когда вы вретe, — заметила Мэри-Энн.

— Ну, ладно, ладно. Да, сон был хороший. Хотя все сны волшебные, не так ли?

— Не знаю. Я пока ни одного не видела. А вот Аби-гайль как-то рассказывала, будто ей приснился большой сияющий месяц в небесах... а наутро появился Чеширский Кот, и в воздухе повисла его зубастая улыбка. Выпросил блюдечко молока — и вот уже сколько лет мы не можем его спровадить.

Кэт хихикнула.

— Чеширчика я очень люблю, но все же надеюсь, что мой сон сулит что-то поволшебнее Кота.

— А если даже и нет, парочку славных лимонов вы уже получили.

— Верно. И это должно меня радовать.

Но это ее не радовало. Ни чуточки.

— Кэтрин! — дверь отворилась, и в комнату влетела Маркиза, со свекольно-красным, несмотря на толстый слой пудры, лицом и вытарашенными, как площ-

ки, глазами. Всю жизнь матушка Кэтрин пребывала в волнении и суматохе. — Вот ты где, дорогуша! Как, еще даже не одета?!

— Мамочка, Мэри-Энн как раз помогала мне...

— Абигаиль, перестань возиться с метлой, скорее сюда! Нам нужна твоя помощь! Мэри-Энн, что она наденет?

— Миледи, мы думали о белом платье...

— Ни в коем случае! Только красное! Ты будешь в красном платье! — Распахнув дверцы шкафа, Маркиза нырнула внутрь и извлекла пышный наряд из тяжелого алого бархата, с необъятным турнюром и декольте, которое мало что оставляло прикрытым. — Да, превосходно!

— Ах, мамочка, только не это платье. Оно мне... мало!

Маркиза смахнула с кровати глянцевоый темно-зеленый лист и разложила платье поверх покрывала.

— Нет, нет и нет! Это платьице не может быть мало моему золотцу, моей милочке-лапочке! Это особенный вечер, Кэтрин, и ты просто обязана выглядеть наилучшим образом.

Кэт умоляюще посмотрела на Мэри-Энн, но та лишь пожала плечами.

— Но это же просто бал, один из многих. Почему я не могу...

— Ай-ай-ай, не спорь, деточка! — Маркиза подошла к Кэтрин и взяла ее лицо в ладони. Мать Кэтрин хоть и была худой, как птичка, но в том, как она мяла и щипала щеки дочери, не было птичьей легкости и изящества. — Сегодня вечером тебя ждет райское блаженство, красавица моя!

И, странно блеснув глазами, отчего Кэтрин насто-рожилась, Маркиза крикнула: